

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА. ПЕРВЫЕ ШАГИ

Дмитрий Щеглов

В восьмой главе «Капитала», которая называется «Рабочий день», Карл Маркс приводит многочисленные выписки из исследований английских фабричных инспекторов. Вот небольшая выдержка из отчета о спичечном производстве и комментарии к ней: «Половина рабочих — дети моложе 13-летнего возраста и подростки моложе 18 лет. Эта мануфактура настолько известна своим вредным влиянием на здоровье рабочих и отвратительными условиями, что только самая несчастная часть рабочего класса — полугодичные вдовы, и т.д. — поставляет для нее детей, «оборванных, чуть не умирающих с голоду, совершенно заброшенных, лишенных всякого воспитания детей»... 270 не достигли 18-летнего возраста, 40 были моложе 10 лет, 10 были всего 8 лет и 5 всего 6 лет от роду. Рабочий день, продолжительность которого колеблется между 12-14 и 15 часами, ночной труд, нерегулярное питание, по большей части в помещениях самих мастерских, отравленных фосфором. Данте нашел бы, что все самые ужасные картины ада, нарисованные его фантазией, превзойдены в этой отрасли мануфактуры».

А что же в это время происходит в царской России, на металлургических, сахарных, лесопильных заводах и текстильных мануфактурах? Да то же самое, что и в Англии, только российского «розлива».

На суконных фабриках в царской России был, например, такой иезуитский порядок. Дневная смена работала 14 часов — с 4.30 утра до 8 вечера, с двумя перерывами: с 8 до 8.30 утра и с 12.30 до 1.30 дня. Длительность ночной смены была намного меньше — всего 10 часов. Казалось бы — хоть какая справедливость. Но у российского фабриканта не забалуешь. Отсыпавшиеся с ночи рабочие должны были вставать два раза и заменять своих товарищей, работающих в первую смену, во время их перерыва. Работа превращалась

в непрерывный конвейер из промежутков работы с 8 вечера до 4.30 утра, с 8 до 8.30 утра и с 12.30 до 1.30 дня. А с 8 вечера снова ярмо на шею.

В царской России институт фабричных инспекторов появился в 1883 году в количестве трех человек, да и то первое время он занимался лишь изучением рабочего быта.

Инспекторы пишут: «Выше 16 и до 18 часов в сутки (а иногда, хотя трудно поверить, и выше) работа продолжается постоянно на рогожных фабриках и периодически — на ситцевых... а нередко достигает одинаковой высоты рабочее время при сдельной рабо-

вые, поступившие на фабрику с Пасхи, все обязаны жить до октября месяца, а ежели кто не желает жить до срока, то лишается всех заработанных денег».

Увольнение любого работника зависело исключительно от благорасположения хозяина или администрации фабрики. Никаких обязательств перед рабочими хозяин не признавал. Правда, мог дать в долг, до расчета, товар и продукты из собственного магазина, по ценам на 20-30% выше, чем в лавках в городе. Дать товар-гнилье самого низкого качества.

Вспомним Ленский расстрел 1912 года. За протест против вы-

Восьмичасовой рабочий день

те на некоторых фарфоровых фабриках.

Рогожники г. Рославля, например, встают в час полудни и работают до 6 часов утра. Затем дается полчаса на завтрак, и работа продолжается до 12 часов. После полудневого перерыва для обеда работа возобновляется до 11 часов ночи. А между тем почти половина работающих в рогожных заведениях — малолетние, из коих весьма многие не достигают 10 лет».

Никакого жесткого законодательного регулирования продолжительности рабочего дня до самой революции не существовало — хозяин фабрики для рабочего был и «трудовым кодексом», и царем-батюшкой.

Он же устанавливал и размер зарплаты и редкие жульнические сроки ее выплат. Обычно расчет производился под большие праздники, а то и вообще два раза в году — на Рождество и на Пасху. В чем здесь хитрость? А вот в чем.

Так, на фабрике Зимина (Московская губерния) за требование расчета раньше срока рабочий лишался полутора рублей за каждый оплачиваемый месяц. На химическом заводе Шлиппе у пожелавших уйти вычитали половину, а на бумагопрядильной фабрике Балана и Макарова «рабочие и мастера-

дачи тухлого мяса из хозяйской лавки и требования введения 8-часового рабочего дня на прииске было убито 270 и ранено 250 человек.

Щедры были хозяева и на штрафы.

Так, на писчебумажной фабрике Панченко штраф за час опоздания вычитался как за два дня работы. Фабрика Пешкова: штраф в один рубль, если рабочий выйдет за ворота (в нерабочее время, ибо выход за ворота фабрики был вообще запрещен!). Мануфактура Алафузова (Казань): от 2 до 5 рублей, если рабочий «прошелся, крадучись, по двору, за то, что соберутся вместе несколько человек, что недостаточно деликатно рабочий поздоровался, и пр. На Никольской мануфактуре Саввы Морозова штрафы доходили до 40% начисляемой зарплаты.

Продолжим цитировать фабричных инспекторов царской России: «На всех фабриках без исключения мастерские дают на каждого рабочего, или, вернее, живущего, менее принятой нами нормы в 3 куб. сажени, а 2/3 из них дают менее 1 куб. сажени на человека, не считая притом массы воздуха, вытесняемого мочалой и рогожами. На 7 кожевенных заводах было найдено отопление «по-черному» — без труб. Из 1080 фабрик Московской губернии периодическое мытье полов существовало только на трех!»

«На перчаточной фабрике Простова нахмет не лучше, чем в общественных и притом никогда не дезинфицируемых писсуарах, потому что кожи на этой фабрике вымачиваются в открытых чанах, наполненных полудушившей мочой. Мочу доставляют, конечно же, сами рабочие, для чего в помещении в нескольких углах находятся особые чаны, ничем не прикрытые. В небольших кожевенных заведениях люди спят и едят в тех же зловонных мастерских, где воздух не лучше, чем в плохом анатомическом театре...»

Чтобы лучше понять стонущих и плачущих «демократов» о «Роснии, которую мы потеряли», приведем также небольшое описание инспекторами жилища рабочих.

«При всяком заводе имеются рабочие избы, состоящие из помещений для кухни и чердака. Этот последний и служит помещением для рабочих. По обеим сторонам его идут нарвы, или просто на полу положены доски, заменяющие нарвы, покрытые грязными рогожами с кое-какой одежкой в головах... Живя в такой грязи, рабочие размножают такое громадное количество блох, клопов и вшей, что, несмотря на большую усталость, иногда после 15—17 часов работы, не могут долго заснуть... Ни на одном кирпичном

заводе нет помойной ямы, помочи выливаются около рабочих жилищ, тут же сваливаются всевозможные нечистоты, тут же рабочие умываются...»

Сегодня буржуазной пропагандой утверждается, что до революции рабочие жили сытно, уютно, небедно и счастливо. Булками французскими хрустели. И царь, устроивший «кровавое воскресенье», и помещики, и заводчики чуть ли не за руку здоровались с крестьянами и рабочими, открывали для них школы, больницы, библиотеки и даже университеты. Вашими устами, демократы, да мед бы пить.

эта 8-часовая норма была закреплена во Франции — в 1936 году (левым правительством «Народного фронта», в США — в 1937 (в рамках «Нового курса» Рузвельта), в Японии — в 1947 году.

СССР был единственной страной, где закон о 8-часовом рабочем дне не только «закреплялся», но и соблюдался. Писатель Варлам Шаламов вспоминал о своей работе в 20-х годах на частном кожевенном заводе в Подмоскovie: «Никакой сдельщины не было тогда. Работали строго восемь часов. 45 рублей зарплаты дубильщики дали мне возможность посылать домой, и поку-

Да, были в XIX веке коммуна «Новая гармония» Роберта Оуэна в Америке, открыл заводчик Путилов для рабочих школу, училище, больницу, библиотеку. Но 99,9% других заводчиков были вроде Хлудова, который на вопрос инспектора, почему тот не принимает никаких мер к улучшению ретирад, получил ответ, что это делается намеренно: «С уничтожением миазмов эти места превратились в места отдохновения для рабочих, и их пришлось бы выгонять отсюда силой»...

Четвертый день революции, 11 ноября (29 октября) 1917 года. Совет Народных Комиссаров принимает декрет о 8-часовом рабочем дне. Тот самый декрет-закон, который за триста лет не удалось даже рассмотреть царская династия Романовых, не посмело утвердить Временное буржуазное правительство. Лишь партия большевиков отвечала чаяниям рабочих и крестьян и выполняла свои обещания.

8-часовой рабочий день, наконец, стал явью и реально широко по планете он шагнул после советского декрета. Буржуа много чего закрепляли, например, «свободу, равенство и братство». Для капиталистов — да! А где они для рабочих?

На законодательном уровне

пять одежду, и платить за стол». В 1928—1933 годах был осуществлен переход к 7-часовому рабочему дню при 42-часовой рабочей неделе.

Закончена ли сегодня эта борьба? Безусловно, нет. Олигарх Прохоров несколько лет назад предлагал в законодательном порядке ввести 10-часовой рабочий день. Не удалось тогда буржуазии наступить на права рабочих. Слишком громкими были протесты коммунистов.

Но еще одно историческое завоевание рабочих сегодня под реальной угрозой. Буржуа повышает пенсионный возраст. Буржуа везде наступает.

Давно пора рабочему стать насмерть, как стояли под Москвой в Великую Отечественную войну советские войска. Ни пяди рабочих прав в загребущие руки олигархов и обслуживающих их чиновников! Труд рабочих не должен монетизироваться в двухсотметровые яхты, небоскребы-дворцы и огромные поместья новой российской знати.

Надо помнить, что человеческие условия для работы и жизни простого человека обеспечивала только Советская власть. Сегодня многие, попробовавшие прелести буржуазного рая, усвоили эту простую истину.

